

Увидев, что Ся Хань застыла на месте и не реагирует, Линь Юнь снова спросила:

— Что ты собиралась сделать?

На этот раз Ся Хань быстро поняла, что Линь Юнь не спрашивает о её нарушении приличий, а просто интересуется, как она собирается справиться с текущей ситуацией. Напряжение в сердце ослабло наполовину, и она с лёгким смущением ответила:

— Я хотела разжечь костёр.

Линь Юнь кивнула, ничего не сказав, но взглядом дала понять, чтобы та продолжала, одновременно чувствуя, что Ся Хань сегодня особенно странная.

Ся Хань, казалось, колебалась, прежде чем продолжить:

— У меня нет зажигалки, и я хотела посмотреть, может быть, у тебя есть.

Закончив, она украдкой взглянула на выражение лица Линь Юнь, чувствуя, что уже достаточно откровенна.

Однако Линь Юнь явно не стала углубляться в размышления, её перегретая голова не могла думать о многом, и она спокойно ответила:

— У меня тоже нет, и мы столько времени провели в воде, что даже если бы она была, уже не сработала бы.

Закончив, она при лунном свете заметила кучу мелочей рядом с Ся Хань — нож, лекарство от ран, явно всё это было вытащено из её карманов.

Обе молчали, чувствуя некоторую беспомощность и неловкость.

Ся Хань особенно тяжело переносила такую атмосферу. До сих пор она не успела подумать о том, что значит, что «Линь Юнь» переодевается в мужчину, и сколько секретов и обмана скрывается в их браке.

Она не стала с праведным гневом обвинять Линь Юнь в обмане, а вместо этого чувствовала себя виноватой за свои невольные действия. В этот момент она сама нарушила молчание между ними и смиренно спросила:

— Что же нам теперь делать? В горах ведь есть дикие звери!

Линь Юнь с трудом села, почувствовав, как боль в спине усилилась, и невольно скривилась, словно это движение истощило все её силы. Немного отдышавшись, она шатаясь встала и сказала Ся Хань:

— Подожди здесь, я скоро вернусь.

Ся Хань была немного обеспокоена, но у неё не было сил следовать за ней. Ранее она уже из последних сил тащила без сознания Линь Юнь от берега, и теперь обе были слабыми и измождёнными. Если бы она пошла за ней, то только добавила бы проблем, поэтому решила остаться.

Линь Юнь ушла ненадолго и вернулась до того, как Ся Хань успела замёрзнуть от ночного ветра, держа в руках два камня, немного трута и несколько сухих веток.

В плане выживания в дикой природе Линь Юнь, часто выезжавшая на охоту и прогулки, была на голову выше Ся Хань. Даже сейчас, когда она была холодной, голодной, раненой и больной, она всё равно была намного сильнее изнеженной барышни. Поэтому менее чем через полчаса после того, как она с трудом пришла в себя, у них уже был небольшой яркий и тёплый костёр. Пламя освещало их лица, очерчивая слабую надежду.

Ся Хань сидела близко к костру, обхватив себя руками. Тёплый огонь постепенно разгонял холод, одновременно суша её наполовину влажную одежду. Возможно, из-за контраста холода и тепла, она повернула голову и чихнула.

Линь Юнь, сидевшая у костра, положив подбородок на колени, услышав это, посмотрела на неё:

— Будь осторожна, не простудись.

Подумав, она всё же решила разделить небольшой костёр на два, добавив сухие ветки, которые они с трудом нашли, чтобы сушить Ся Хань спереди и сзади, чтобы она не замёрзла со спины и быстрее согрелась.

Ся Хань видела все её действия, не успевая остановить, но невольно почувствовала тепло в сердце. Когда костёр был разделён, она протянула руку и притянула Линь Юнь к себе, чтобы сесть рядом, с беспокойством сказав:

— Ты же больна, не двигайся понапрасну.

Линь Юнь не отказалась и, садясь, даже потеряла силы, невольно упав на Ся Хань.

Линь Юнь, не сказав ни слова, снова упала на Ся Хань и потеряла сознание, словно её пробуждение было лишь для того, чтобы разжечь костёр и сделать ночь в дикой природе немного лучше.

Ся Хань, поддерживая Линь Юнь, была в панике, потому что, коснувшись её обнажённой кожи, она обнаружила, что та горит ещё сильнее! Она не знала медицины, не могла найти врача, у них не было лекарств, она даже не знала, почему у Линь Юнь снова поднялась температура, и как она вообще могла прийти в себя, чтобы найти кремень и разжечь костёр.

— Линь Юнь, Линь Юнь, с тобой всё в порядке, очнись! — Ся Хань тщетно трясла Линь Юнь, чувствуя беспомощность, какой никогда раньше не испытывала. Впервые она пожалела, что всё своё время потратила на бесполезные книги, не научившись ничему полезному.

Глубокая ночь, казалось, могла усилить любые эмоции в сердце человека. Ся Хань, держа на руках больную и горящую Линь Юнь, чувствовала только уныние и бессилие. У неё даже не было сил снова сходить к реке, чтобы принести воды и охладить её. Тогда она вдруг почувствовала страх — страх перед холодной ночью, страх перед дикими зверями в горах и страх, что больная Линь Юнь не получит помощи и больше никогда не очнётся на её руках!

Пока Линь Юнь была без сознания, Ся Хань опустила голову. Она уткнулась лицом в незнакомые объятия, и слёзы, смешанные с беспокойством, бессилием и страхом, медленно потекли, оставляя новые влажные пятна на полувлажной одежде Линь Юнь.

Ся Хань редко плакала, но после слёз она оставляла не слабость, а решимость после разрядки.

Пламя лизало сухие ветки, потрескивая, и горячий костёр быстро высушил их полувлажную

одежду. Со временем костёр, который Линь Юнь разложила за их спинами, постепенно догорел. Ся Хань видела это, но из-за недостатка сухих веток и того, что летняя ночь не была особенно холодной, она не стала обращать на это внимания, позволив костру догореть до конца.

Этот день был действительно утомительным для обеих. Утром они поднимались в гору, днём упали в воду, с трудом выбрались на берег, оказавшись в дикой природе, голодные и вынужденные изо всех сил стараться устроиться на ночь — Линь Юнь и Ся Хань никогда в жизни не были в таком положении!

Поэтому не только Линь Юнь не выдержала, дважды теряя сознание и страдая от высокой температуры, Ся Хань тоже была не в лучшем состоянии. Собравшись с силами, она некоторое время заботилась о Линь Юнь, даже сходила к реке за холодной водой, чтобы положить ей на лоб, но больше сделать ничего не могла, и в конце концов, не выдержав усталости, уснула рядом с ней.

Всё вокруг было тихо, луна стояла высоко в небе, и ночь незаметно углублялась.

Незаметно прошла большая часть ночи, пока костёр перед ними, подпитанный сухими ветками, не погас. Ся Хань смутно почувствовала холод. Она сжалась, бессознательно прижимаясь к единственному источнику тепла рядом, и услышала тихий шёпот:

— Холодно... холодно... холодно...

В ночи эти слова, казалось, проникали в её сон, прямо в сознание Ся Хань. Она вздрогнула, резко проснувшись, и в её ещё сонной голове звучало только слово «холодно». Прежде чем она полностью очнулась, она снова услышала шёпот:

— Холодно...

Словно зовущий её, пугающий в ночной тишине.

Ся Хань тоже испугалась, но быстро осознала текущую ситуацию. Она моргнула, увидев вокруг темноту, и поспешно посмотрела в сторону костра, обнаружив, что он давно погас — ни искр, ни пламени, даже в золе не осталось тепла. Неудивительно, что стало холодно. Но главным был человек!

Когда Ся Хань на ощупь нашла Линь Юнь, высокая температура у той уже спала, но она вся была покрыта холодным потом, почти снова промочив тонкую летнюю одежду. Более того, человек в бессознательном состоянии явно страдал от ночного холода в горах, дрожа от ночного ветра!

Линь Юнь (воспоминания): Губы жены такие мягкие...

Ся Хань (краснея): Грудь жены такая мягкая...

Линь Юнь и Ся Хань (глядят в небо): Так кто же в проигрыше?

[Примечание]: Радостные новости, маска наконец-то тайно сброшена, но Линь Юнь ещё не знает. Первой реакцией Ся Хань был не гнев, а чувство вины и лёгкое смущение...

[Примечание]: Продолжайте оставлять комментарии, цветы и мотивацию для второго обновления!!!

<http://bllate.org/book/16383/1483082>